

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К17

Оформление серии *В. Щербакова*

Иллюстрация на обложке *В. Остапенко*

Калинина, Дарья Александровна.

К17 По кому Мендельсон плачет / Дарья Калинина. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Иронический детектив).

ISBN 978-5-04-094863-5

Только сегодня утром все у Эдиты было отлично: любящие мама и папа; бабушка, хоть и с приветом, но все же родная; любимый жених. И вдруг она узнает, что мама исчезла, бабушка попала в больницу, жених ее бросил, а в их квартиру проникли какие-то подозрительные люди, и не просто проникли, а даже замки сменили, так что Эдита осталась еще и без дома. А хуже всего то, что, судя по всему, эти странные люди ищут ее маму, которая спрятала от них что-то важное.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Калинина Д.А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094863-5

ГЛАВА 1

Раннее утро — время выбора. Как начать свой новый день? Как и с кем его провести? И очень многие, в том числе и немолодые и даже умудренные жизненным опытом граждане, опрометчиво думают, что запланировать — это почти тоже самое, что, считай, уже сделать. А вот в том, что это далеко не так, нашей Эдите еще предстояло убедиться.

Но пока что она даже не могла решить, что же ей делать сейчас. Встать или еще немного поваляться в кровати? А может быть, сегодня вообще забить на все дела и просто сладко нежиться под теплым и мягким одеялом?

Ах, как же уютно ей было в этом сугробе, сооруженном из пухового одеяла, подаренного любящей заботливой мамочкой! И как же не хотелось никуда вылезать! Ведь стоит высунуть нос из-под одеяла, и сразу становится ясно, что снаружи и сыро, и совсем неуютно. А уж на улице, если выглянуть в окно, вообще мрак и жуть. Небо серое. Ветки деревьев гнутся от сильного ветра. И с неба льется. Даже лежа в постели, Эдита вздрогнула, представив, как холодный влажный ветер пронизывает буквально до костей. Совсем не весна. Совсем.

— Не пойму, — раздался голос бабушки, — что это на улице? Снег? Или дождь?

Эдита вздохнула. Бабушка у них была уже старенькая. И голова у нее иногда давала сбой. Не сильно, но

все равно пугающе. Бабушка, которая сама это сознавала, перебралась жить к ним с мамой после того, как несколько лет назад не смогла вспомнить, какое сегодня число, и пропустила важную для себя встречу. Потом память к пожилой женщине вернулась, но время было упущено, и встреча не состоялась.

И бабушка, которая на тот момент еще умела делать выводы из случившегося, сказала своей дочери и внучке:

— Видно, пришла пора мне перебираться к вам и помощи в старости просить. Будете меня контролировать. Одна я жить больше не в состоянии, а то снова чего-нибудь отчудить могу. И себя, и людей подведу.

Мама не протестовала, хотя и в восторг от такой перспективы не пришла. В свое время она приложила немало стараний, чтобы жить отдельно от бабушки. Даже согласилась съехаться с родителями мужа. И бабушка ее в этом полностью не только поддерживала, но и сама подталкивала дочку к выходу вместе с маминым мужем — отцом Эдиты.

Нельзя сказать, что молодая семья правильно поняла благие намерения бабушки, некоторая неясность в их отношениях осталась, и потом отец и мама общались с бабушкой больше официально, чем по-родственному. И тем удивительней было, что бабушка, желающая самостоятельности и независимости, сама вдруг захотела жить с дочкой и ее семьей.

— Какое счастье, — ожидаемо отреагировал отец Эдиты на перспективу жить под одной крышей с тещей. — И чего ей у себя в трехкомнатных хоромы не сидится?

Папа ворчал, и его можно было понять. В свое время, когда они с мамой не имели своей крыши над головой и ютились у его родителей в их совсем небольшой квартирке, бабушка в одиночку наслаждалась просторной трешкой.

- И что она собирается делать со своей квартирой?
- Продать.
- А деньги?
- Положить на счет и иметь прибавку к пенсии.

Папа даже крикнул. Мол, неплохо умеет устраиваться тещенька. И с деньгами в кармане, и при домашнем уходе.

— Нам добавить на покупку квартиры побольше не хочет?

— Нет.

— Молодец! — подвел итог всему разговору отец вроде как даже с восхищением в голосе.

Но мама отказывать бабушке в приюте не стала. Во-первых, та особенно ее и не спрашивала, просто ставила перед фактом, что теперь она поживет у них. А во-вторых, мама в душе была немножко фаталистка и еще больше оптимистка.

— Что ни делается, все к лучшему.

Это была ее любимая присказка. И еще одна имелась.

— Чему быть, того не миновать.

Поэтому спорить с бабушкой она не стала. И та поселилась у них. Порой она и впрямь начинала чудить. Вот как сейчас. Как не понять, что за окном снег или дождь? Но бабушка то ли впрямь не понимала, то ли делала вид, что не понимает. Точно сказать Эдита не бралась. Она давно уже привыкла к некоторым странностям родственницы, и большинство ее перлов пропускала мимо ушей, берегла свою нервную систему.

— Слякоть, — наконец пришла к выводу бабушка и тут же снова нашла проблему: — Сколько же там градусов? Вроде бы минус тринадцать.

Эдита под одеялом только еще раз вздохнула. Май месяц. Какие могут быть тринадцать градусов мороза? И потом, если бабушка сама видит, что на улице

слякоть, значит, должна понимать, что на улице стоит плюсовая температура. И какой вообще может быть снег в мае? Тополиный? Так и до него еще месяца полтора ждать.

Но для бабушки было все едино. Что дождь, что снег, что минус, что плюс. Она уже стояла возле кровати Эдиты и вещала ей, что твой гидрометеоцентр.

Эдите пришлось отреагировать:

— Бабуль, конечно, погода последние годы совсем сошла с ума, но все-таки не настолько, чтобы майским утром градусник показывал минус тринадцать.

— Какой сейчас месяц? — в ответ искренне изумилась бабуля. — Май?

И не успела Эдита порадоваться, что бабуля способна воспринимать информацию хотя бы в таком виде, как та добавила:

— Такую температуру градусник и в прошлом июне не всегда выдавал. А чтобы сейчас, это уж вовсе глупость.

О чем она? Но включаться в дебаты с родственницей Эдита не стала. Заранее знала, чем все закончится. Бабушка продолжит путаться, потом обидится на внучку, а переубедить старушку в том, что она ошибается, все равно невозможно.

И тут бабушка без всякой связи с предыдущим разговором о погоде, словно бы вовсе забыв о нем, вдруг сказала:

— По телевизору передавали, что снова мальчик какой-то пропал. Ищут его, объявление дали, а все без толку.

— И что?

— Девочки молодые тоже пропадали, — продолжала одной ей ведомую нить разговора бабуля. — И много. Вроде тебя молоденькие все. Уже несколько месяцев, как это творится.

Эдита снова вздохнула. В третий раз за сегодняшнее утро. Могла бы уже понять, что такое не к добру. Но нет, подумала лишь о том, что бабушка не способна запомнить, что ела на завтрак и завтракала ли она вообще, а тут какие-то пропавшие мальчики и девочки вырисовываются. Может, они и пропадали, никто не спорит. Но это могло случиться как в прошлом месяце, так и в прошлом году или вообще никогда. А старушка уже забыла и про мальчиков, и про девочек.

Она снова выглянула на улицу и заметила:

— Люди-то как тепло одеты! Ты тоже, Эдитка, будешь вставать, так оденься потеплей.

Все ясно. Вся предыдущая беседа — это была прелюдия, чтобы дать понять внучке, что той пора вставать, одеваться и топтать по своим делам. Бабушка никогда прямо не давала указаний, всегда подходила издалека. Иногда настолько издалека, что понять, чего же она добивается, бывало трудно. Но зная, что если не встать, то бабушка так и будет ходить вокруг кругами и причитать про погоду, Эдита вздохнула, как она надеялась, в последний раз и выбралась из-под одеяла.

Бабушка тут же захлопотала, помчалась на кухню ставить чайник, забыла, зачем туда побежала, вернулась назад, спросила у Эдиты, зачем ходила на кухню, побежала снова и вроде как назад не вернулась. Но когда минут пять спустя сама Эдита оказалась на кухне, то оказалось, что чайник холодный, кипеть даже и не думает, потому что включить его бабушка все-таки позабыла.

Сама она опять стояла у окна, снова проверяя, как там ведет себя градусник.

— Это сколько же он показывает?

Эдита подошла, бабушка посторонилась, но глаз от градусника не отвела.

— Вроде как тринадцать градусов.

Да, на улице было сыро, и ветрено, и прохладно. И градусник показывал всего три градуса.

— Видишь, как холодно?

— Вижу.

Спорить с бабушкой она не стала. Даже если указать на градуснике точное деление, старушка будет твердить свое. А потом еще и обидится. И уйдет в свою комнату. И сляжет там с приступом давления. И той же Эдите придется бегать и суеиться вокруг нее с лекарствами, таблетками и стаканами с водой. А оно ей надо? Куда проще подтвердить, что бабушка права. И старушка останется довольна, и Эдита сможет спокойно позавтракать оставленным мамой омлетом.

«Накорми бабушку, — значилось в записке. — Буду поздно. Целую, мама».

Эдита нахмурилась. Выходит, мама убежала так рано, что бабушка еще не проснулась? Или мама настолько торопилась, что ей было не до бабушки? И почему она вернется поздно? У мамы нормированный рабочий день, в семь она обычно уже дома. А тут она пишет, что будет поздно. Значит, куда-то пойдет после работы. И куда же она пойдет? И не пишет куда, вот что странно.

Отца, чтобы спросить у него, дома тоже не было. Он-то свою порцию омлета уже съел и умотал по своим делам. Сегодня у папы был ответственный день. Начинался сезон охоты. И папа уехал еще затемно. Может быть, и поесть не успел. Думая о своих родителях, Эдита подогрела омлет. Он у мамы получался не пышным, а тонким, но все равно был очень вкусным. Потом Эдита позвала бабушку. Та взяла еду, чай, ромовую бабу — бабушка обожала сладенькое — и вроде как ушла к себе. Завтракать она предпочитала в тишине и покое, как и сама Эдита.

Впрочем, совсем спокойно позавтракать у Эдиты не получилось. Когда рядом находилась бабушка, ни один из членов семьи не мог чувствовать себя спокойно. Старушка суетилась, дергалась сама, дергала других, задавала один и тот же вопрос по десять раз подряд, тут же забывала ответ и начинала сначала. Сердиться на нее было нельзя, делала она это не специально.

Не успела Эдита положить в рот последний кусок, как из дверей своей комнаты показалась бабушка. Она была одета, как будто собиралась куда-то уходить. В руках у нее была сумка. На шее шарф. На голове берет.

— Ты это куда? — насторожилась Эдита.

— Разве мне сегодня не к врачу? — тут же в ответ удивилась старушка. — Мне кажется, я сегодня записывалась к врачу.

— К какому?

Эдита спросила и сама себя обругала. Зачем спрашивать! Ведь ясно, что бабушка все равно не сможет вспомнить.

Старушка же была о себе лучшего мнения, поэтому попыталась:

— Ну, к этому... — морща лоб, сказала она. — К которому мы вчера с тобой ходили.

Эдита принялась вспоминать. Бабушкины слова никогда нельзя было воспринимать буквально. Что-либо запомнить точно она не могла, только приблизительно. И Эдита принялась соображать. Так, допустим, в поликлинику родственница ходила не вчера, а в какой-то другой день, скажем, на прошлой неделе. Допустим, дело происходило не с Эдитой, а с мамой. И также возможно, что и не в поликлинику вовсе они вдвоем ездили, а куда-нибудь по записи к специалисту в очередную частную клинику города.

Мама еще не оставляла попыток вернуть бабушке память, хотя все специалисты в один голос твердили,

что лучше уже не станет, максимум процесс несколько застопорится. Но мама была согласна и на это, хотя Эдита считала, что от таблеток, уколов и капельниц бабушке лучше не становится.

Позвоню маме, решила девушка, узнаю, куда это наша бабуля сегодня намылилась.

Но к удивлению Эдиты, мамин телефон оказался вне зоны доступа сети. Это где же она едет? В метро? Но на работу родительница ездила по верху, на собственном авто. В метро ей спускаться не было нужды. Разве что машина у нее в ремонте. Тогда она могла воспользоваться услугами подземки.

Эдита позвонила папе, но тот ответил, что ему некогда следить за бабулей. Что он за рулем и что любимая дочь отвлекает его от дороги. И вообще, папа считал, что бабушке надо сидеть дома, а мама сама скоро объявится. Эдите стало ясно, что ее любимый родитель был уже всеми своими мыслями в лесу, на охоте, и все, что могло его от этой самой охоты отвлечь, в том числе и звонок родной дочери, вызывало в нем лишь досаду.

И Эдита обратилась к бабушке:

— Пойдем, я с тобой схожу в поликлинику.

— Тебе же в институт нужно. Я одна схожу. Ты не знаешь, где мои ключи?

Ключи бабушка с неприятной регулярностью забывала либо в дверях, либо в почтовом ящике. Но этим грешили все члены семьи, так что тут особых претензий к старушке ни у кого не возникало. Благо, что соседи в подъезде все оказались людьми очень порядочными, они неизменно возвращали ключи. Бабушкина связка нашлась у нее же в сумочке.

— А полис?

Вот полис бабушке давать категорически было нельзя. Если ключи она еще воспринимала как ключи, то запомнить, что это за дурацкая голубенькая бумажка,

она уже не могла. И прочие документы тоже. Из информации о них в голове у бабушки возникал какой-то диковинный винегрет, так что ей ничего не стоило с невозмутимым видом протянуть в регистратуру поликлиники вместо медицинской карты удостоверение к медали за семидесятилетие Победы в ВОВ. Разобраться в сути всех этих бумажек она даже не пыталась, поэтому и относилась к ним легко и небрежно — теряла, оставляла, забывала.

После того как мама в третий раз выстояла очередь и оформила ей третий за два месяца полис, она приняла решение и изъяла у бабушки все ее документы. Впрочем, старушка отнеслась к этому решению положительно, она была только «за».

— Я давно тебе говорила, чтобы ты сама ходила в сберкаассу.

И с тех пор очень довольная бабушка переложила весь груз своих обязанностей вне дома на дочь, зятя и Эдитку. Так бабуле было куда легче жить, не нужно было тревожиться, какое сегодня число и не пора ли оплачивать коммуналку. Не надо было ломать голову, где лежит паспорт, можно было спокойно гулять, читать, смотреть телевизор, заниматься своими любимыми делами или просто сидеть у окошка и караулить возвращение внучки.

Но благому намерению Эдиты не суждено было сбыться. К тому времени как она оделась, бабушка куда-либо идти уже передумала.

— Голова кружится, лучше я дома полежу.

И со счастливым видом устроилась на диванчике, накрывшись мягким пледом и положив ноги повыше. Эдита взглянула на бабушку с легкой завистью. И у нее в который уже раз мелькнула мысль, а не симулирует ли бабуля? Где ей надо, там старушка соображает очень даже хорошо. Например, налить чаю она себе никогда

не забывает. И вкусный тортик отлично в холодильнике находит. А вот кастрюлю с супом в упор не видит.

— Ладно, бабуль, я побежала!

С улицы Эдита еще раз позвонила своей маме, но результат был все тот же. Мама отсутствовала в эфире. Немного встревоженная таким долгим молчанием, девушка доехала до института. И уже в дверях столкнулась с однокурсником Сашей. Они учились в параллельных потоках, но встречались на практике и были немножко знакомы друг с другом.

— Опаздываешь! — крикнула ему Эдита.

— А сама-то!

— Девушка никогда не опаздывает, девушка задерживается.

— Скажешь это Петру Семеновичу. Он ведь у вас первую пару лекций читает.

Эдита удивилась:

— Откуда тебе-то это известно?

— Известно.

Несмотря на то что времени у Эдиты и впрямь было впритык, она немного притормозила.

— Наверное, расписание у всех потоков выучил?

— Очень оно мне надо.

— Тогда как ты узнал? — заинтересованно спросила у него девушка.

— Ты обычно всегда джинсы носишь, а сегодня в юбке пришла. И волосы на затылке заколола.

— И что?

— Обычно ты волосы не прячешь, ты их всегда свободно распущенными по плечам носишь. Но Петр Семенович требует, чтобы девушки выглядели прилично и опрятно.

— То есть чтобы мы носили юбки и были причесаны.

— Я просто заметил сегодня это несоответствие с твоим обычным внешним видом и сделал выводы. Мог и ошибиться, но попал в яблочко.

— Надо же, а ты у нас детектив!

— А то!

И на этом они распрощались. Никто из них еще не подозревал, что этот безобидный диалог приведет их в скором времени к таким захватывающим приключениям, какие им и не снились. Но пока что Саше нужно было направо, а Эдите налево. Они разбежались, на прощание помахав друг другу, словно старые друзья.

Перед началом занятий Эдита успела рассказать об этом случае своей подружке — Ирке.

— Представляешь, какой Сашка, оказывается, прощательный!

Ирка в ответ даже удивилась:

— Ну а разве ты сама не знаешь, что его прозвище — Сыщик? Сашка Сыщик, так его и зовут.

— А почему?

— Он вместе со своей собакой распутал уже не одно преступление.

Эдита и так находилась под впечатлением от недавней встречи, а тут она еще больше впечатлилась:

— У него и собака есть специально обученная? А что она умеет?

Насчет собаки Ирка всех подробностей не знала, но обещала выяснить.

— Даже странно, что он тебе сам про себя ничего не рассказывал. Вы же вроде как дружите?

— Да ну! Где мы там дружим, — отмахнулась Эдита и полезла в сумку, потому что ей как раз в этот момент позвонил ее жених — Игорь.

Позвонил он очень некстати. В аудиторию как раз входил Петр Семенович, а у этого педагога помимо строгих требований к внешнему виду студентов — де-